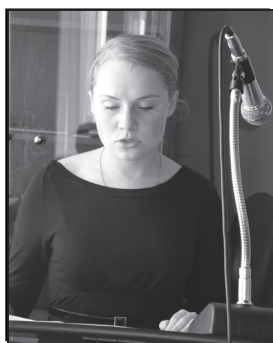

от **сахар**, чем от **масло**), то в языке древнерусской письменности картина иная. Производящие слова отнюдь не вещественные, и даже, как удалось ясно увидеть, не собирательные (*польъ, попъ, годъ, месѣць, осень, осетръ* и пр.), а производные отнюдь не называют нечто, являющееся частью производящего. Это скорее соотношение «сущность/явление», абстрактное/конкретное — ‘определенный поп’, ‘ежемесячный налог’, ‘мясо осетра’ и т. д.

Таким образом, в современном русском языке сингулятивы имеет смысл считать суффиксальными словообразовательными типами (отсубстантивным, отадективным и, реже, отглагольным) внутри словообразовательной категории «цельность — дискретность», а на этапе языка древнерусской письменности, видимо, моделью, входящей в класс производных (преимущественно отсубстантивных) существительных со словообразовательным значением конкретности. Материал показал, что, аналогично ситуации с «собирательными» существительными, для этого периода нет четких формальных или семантических оснований для выделения их в отдельный словообразовательный тип.

С. И. Панова (Москва)

К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ РУССКОЙ РЕДАКЦИИ ДИАТАКСИСА ПАТРИАРХА ФИЛОФЕЯ КОККИНА

В XIII—XIV в. Византия, а вслед за ней Болгария и Сербия переживают культурный подъем, затронувший разные области духовной жизни: богословие в виде учения монахов-исихастов, иконопись, литературу, книжный язык. Именно в это время в византийской Православной Церкви осуществляются литургические реформы и в процессе реформирования богослужебной практики в византийской Церкви принимается Иерусалимский Устав. Иерусалимский Устав появился в палестинских монастырях в X—XI в., в XI—XII в. он был переведен с греческого на сирийский, арабский и грузинский языки, а во второй половине XIII в. он становится основным регулятором богослужения в константинопольской и афонской монастырской и соборно-приходской практике. В то же время формируется соответствующий комплекс богослужебных книг — Минеи, Триоди, Октоих, Часослов, Службеник, Псалтырь, Типикон, Апостол и Евангелие, а также текст, устанавливающий последование литургии, — *Διάταξις τῆς Θείας Λειτουργίας*. Этот текст был составлен византийским патриархом Филофеем Коккиным в период 1364—1376 г., и к концу XIV в. он становится основным регулятором совершения литургии¹. Н. Ф. Красносельцев изучил известные греческие списки этого текста и опубликовал наиболее близкий, по его словам, к первоначальному тексту Диатаксиса список из библиотеки Ватопедского монастыря № 133 (744) XIV в., а также два списка из библиотеки Пантелеймонова монастыря № 421 1545 г. и № 435 XVI в.²

Новый Иерусалимский Устав получает широкое распространение на Афоне, где находилось большое количество как греческих, так и славянских монашеских центров. Изменения в византийской литургической традиции, связанные с переходом на новый устав, оказали влияние на славянскую литургическую традицию. На Афоне появляются первые славянские переводы Иерусалимского Устава: в начале XIV в. в Великой Лавре св. Афанасия старец Иоанн впервые, как считают исследователи, осуществляет перевод на болгарский язык нового комплекса богослужебных книг — Евангелия и Апостола,

¹ *Пентковский А. М.* Иерусалимский Устав и его славянские переводы в XIV столетии // Преводите през XIV столетие на Балканите. София, 2004. С. 153—158.

² *Красносельцев Н. Ф.* Материалы для истории чинопоследования литургии святого Иоанна Златоустаго. Казань, 1889. С. 33—34.

служебника, Типикона, Псалтыри, Минеи, Октоиха³. В 1319 г. Иерусалимский Устав был переведен по указанию сербского архиепископа Никодима, а в 1331 г. иноком Романом устав был переведен для сербского Хиландарского монастыря на Афоне⁴. Третий сербский перевод Иерусалимского Устава, близкий к редакции Никодима, сделан во второй четверти XIV в. и известен под названием Бечкеречского типика⁵.

Итак, южными славянами ведутся крупные переводческие и редакторские работы в книжных центрах на Афоне, в Константинополе, а вслед за тем в Сербии и столице Второго Болгарского царства Тырнове. Болгарский патриарх Евфимий Тырновский, проведший долгое время на Афоне и ставший свидетелем изменений в афонской церковной практике, проводит реформу богослужения в Болгарской Церкви. При Евфимии в Болгарии появляется особая редакция Иерусалимского Устава, так называемый Черепишский типик (София. ЦИАИ. № 44. XIV в.), основой для которой послужил перевод старца Иоанна, проводится книжная справа и в соответствии с новым уставом формируется новый комплекс богослужебных книг. К трудам самого патриарха относят перевод Устава литургии Иоанна Златоуста патриарха Филофея, содержащийся в так называемом Зографском свитке XIV в. (Зограф. 1 г. 12. Кон. XIV в.) и в Служебнике патриарха Евфимия (НБКМ. № 231. Кон. XIV в.)⁶.

В XIV в. возобновились прерванные монголо-татарским нашествием связи Руси с Афоном и Константинополем, крупнейшими в то время центрами культурных контактов между греками, болгарями, сербами и русскими. Под влиянием нововведений в византийской и южнославянской Церкви первой половины XIV в. изменения произошли и в богослужебной традиции русской Церкви. Здесь литургическая реформа осуществлялась во второй половине XIV — начале XV в., в это же время на Руси появляются и распространяются южнославянские переводы Иерусалимского Устава и на основе евфимиевской редакции создаются его русские переводы: так, в 1401 г. в константинопольском монастыре русский церковный деятель Афанасий Высокский составляет устав «Око церковное», дополняя текст Евфимия другими источниками. Эта редакция впоследствии пользуется на Руси широкой известностью и имеет большое практическое применение. Деятельность митрополита Киприана во многом способствовала прочному введению нового устава в богослужебную практику в XV в. и согласованию с ним имевшихся богослужебных книг⁷.

Ко второй половине XIV в. относится особая, ранняя редакция Иерусалимского Устава, представленная в двух русских списках из собрания Синодальной библиотеки: ГИМ. Син. 329 (XIV в.) и ГИМ. Син. 328 (XIV в.), которая имеет локальный характер, не находится в прямой зависимости от южнославянских образцов и обнаруживает влияние Студийского устава⁸. О «местно русском» характере данной редакции свидетельствует присутствие в месяцеслове русских памятей, в частности запись в Син. 329 о кончине св. Петра, митрополита Московского. Этот факт, наряду с наличием на полях Син. 329 известия о кончине св. Алексия, митрополита Московского, а также некоторыми другими литургическими особенностями, позволил предположить, что рукопись была создана в Москве и имеет отношение к кремлевскому Чудову монастырю и, таким образом, к деятельности строителя этого монастыря, самого митрополита Алексия⁹. Графико-орфографические особенности (отсутствие орфографических южнославянизмов) и особенности лексики, использованной в данной редакции, также свидетельствуют о ее локальном характере и времени создания — до второго

³ Сырку П. К истории исправления книг в Болгарии в XIV в. СПб., 1889. Т. I. Ч. 1. Время и жизнь патриарха Евфимия Тырновского. С. 456—457.

⁴ Мансветов И. Д. Церковный устав (типик): его образование и судьба в греческой и русской церкви. М., 1885. С. 265—269.

⁵ Пентковский А. М. Из истории литургических преобразований в Русской Церкви в третьей четверти XIV столетия (литургические труды святителя Алексия, митрополита Киевского и всея Руси) // Символ. 1993. № 29. С. 217—219.

⁶ Сырку П. К истории исправления книг в Болгарии в XIV в. СПб., 1890. Т. I. Ч. 2. Литургические труды патриарха Евфимия Тырновского. С. I—XIV.

⁷ Мансветов И. Д. Церковный устав (типик): его образование и судьба в греческой и русской церкви. С. 274—275.

⁸ Пентковская Т. В. Ранняя русская редакция Иерусалимского устава, ее лингвистический характер и место в славянской переводной традиции // ТОДРЛ (в печати).

⁹ Пентковский А. М. Из истории литургических преобразований в Русской Церкви в третьей четверти XIV столетия. С. 221—224.

южнославянского влияния в области орфографии. Анализ лексического состава этого перевода выявил его независимость от соответствующих южнославянских текстов и позволил указать на следующие характерные признаки: наличие терминологических русизмов (въходъ, женьюгъ, сорунны) и древних вариантов (єдннорядын), которым в южнославянских редакциях соответствуют «новые» варианты (єдннорядын), присутствие лексических грецизмов, нехарактерных для южнославянских переводов (кандлапгнъ, снапгн), славянские соответствия литургическим грецизмам, характерным для южнославянских редакций Иерусалимского Устава (поклоненіе, поклонъ в соответствии с южнославянским метаніе, всеночное гънне в соответствии с южнославянским агнпнна, многомлоствын в соответствии с полнелеу, нсхоженіе в соответствии с лгтна, азбукювникъ для южнославянского алфавитъ и др.)¹⁰.

Близким к русской редакции Иерусалимского Устава по времени создания считается русская редакция Диатаксиста патриарха Филофея, которая обнаруживается в русских служебниках конца XIV — начала XV в. О ее принадлежности русской книжной традиции говорит тот факт, что данная редакция преобладает в русской рукописной традиции. Вопрос о происхождении этой редакции затрагивался в работах И. Д. Мансветова, который выделял два славянских перевода Диатаксиста: перевод Евфимия Тырновского и русский, так называемый перевод митрополита Киприана. По мнению Мансветова, митрополит Киприан, проведший ранние годы на Афоне и получивший там религиозное и книжное воспитание, имел связи с Константинополем и патриархом Филофеем и, следовательно, перенес литургические реформы Византии на русскую почву. Он же редактирует и вводит в употребление новые богослужебные тексты, в том числе Диатаксист патриарха Филофея. Такой вывод делается исследователем на основании рукописи ГИМ. Син. 601. XIV в., где имеется приписка о написании этого текста самим митрополитом Киприаном¹¹. Н. Ф. Красносельцев, изучивший славянские рукописи Ватиканской библиотеки и обнаруживший служебник-конволют Vat. Slav. 14, также содержащий Диатаксист патриарха Филофея, утверждал, что он был составлен в конце XIV в. и автором-составителем был митрополит Киприан¹².

С другой стороны, А. М. Пентковский, изучивший список Vat. Slav. 14, а также списки Диатаксиста редакции Евфимия и ранней русской редакции Иерусалимского Устава, отмечал, что редакция Диатаксиста в Vat. Slav. 14 имеет свои характерные особенности в описании некоторых моментов литургии. Прежде всего, это отличия в описании проскомидии (упоминание митрополита Петра, нового русского чудотворца, упоминание «благочестивых князей»), неоднократное указание различий при богослужении в монастыре и в приходском храме: на проскомидии, в ектениях, при описании целования Евангелия на малом входе. Только для этого текста характерны указания на совершение литургии архиереем («святителем»), что свидетельствует о предназначении текста для соборной церкви и связанного с ней монастыря. В тексте русской редакции Диатаксиста, отраженной в Vat. Slav. 14, присутствует большое количество изменений, дополнений и комментариев по сравнению с известными греческими источниками, которые могли быть внесены, по словам исследователя, только самим устроителем.

На основе рассмотренных особенностей делается вывод о том, что русская редакция Диатаксиста патриарха Филофея была составлена под руководством самого ктитора для московского Успенского собора и связанного с ним Чудовского монастыря. Утверждается, что этим ктиторм-составителем был московский митрополит Алексий, при этом усматривается связь этой редакции Диатаксиста с ранней русской редакцией Иерусалимского Устава, созданной под руководством митрополита Алексия. Оба устава принадлежат к одной литургической традиции — константинопольскому богослужению XIV в., оба представляют собой особые ктиторские редакции, в текстах присутствует характерная память — митрополита Петра, нового русского чудотворца. Таким образом, формулируется гипотеза о том, что и

¹⁰ Пентковская Т. В. Ранняя русская редакция Иерусалимского устава, ее лингвистический характер и место в славянской переводной традиции.

¹¹ Мансветов И. Д. Митрополит Киприан в его литургической деятельности. М., 1882. С. 21–23.

¹² Красносельцев Н. Ф. Сведения о некоторых литургических рукописях Ватиканской библиотеки. Казань, 1885. С. 162–163.

ранняя редакция Иерусалимского Устава, и русская редакция Диатаксиса были созданы на Руси и являются результатами деятельности московского митрополита Алексия¹³.

На то, что русская редакция Диатаксиса является особой ктиторской версией, указывает также Т. И. Афанасьева. Однако, изучив и сопоставив различные списки Устава патриарха Филофея, а также славянские рукописи, предшествующие этому Уставу, исследователь приходит к выводу, что данная редакция не соотносится с практикой Великой Церкви в Константинополе, как отмечал А. М. Пентковский, а удерживает некоторые особенности уставов литургии из афонских обителей, непосредственно предшествовавших появлению Диатаксиса на Руси. Выделяя три варианта русской редакции Диатаксиса (ранний, записанный отдельно от литургии, второй, в текст которого вставлены литургические молитвы, и более поздний, представляющий собой сокращенный вариант Диатаксиса, разделенный на проскомидию и указания к литургии в сокращенном объеме), Т. И. Афанасьева подвергает сомнению гипотезу о составлении ранней версии русского Диатаксиса Алексием и считает традиционную атрибуцию митрополиту Киприану более обоснованной. Святитель Алексий ориентировался на богослужебную традицию Софии Константинопольской, в то время как в Диатаксисе присутствуют элементы, не соответствующие этой традиции. Помимо этого, служба митрополиту Петру была составлена Киприаном, поэтому вероятнее предположить, что именно он ввел упоминание святителя Петра в русскую редакцию Диатаксиса. Наконец, распространение Диатаксиса в славянской традиции относится к самому концу XIV в., а митрополит Алексий умирает в 1378 г.¹⁴

На данный момент на основании имеющихся разночтений в списках представляется целесообразным выделить три славянские редакции Диатаксиса. Одной из наиболее ранних и самых распространенных редакций можно считать Афонскую редакцию, названную так потому, что в служебниках она соединяется с литургией Иоанна Златоуста Афонской редакции¹⁵. Эта редакция известна в большом количестве рукописей сербского, болгарского и русского изводов. Вторая редакция преобладает в русской письменной традиции и в некоторых служебниках имеет атрибуцию митрополиту Киприану, поэтому считается русской. Об отношении к русской письменной традиции свидетельствуют также некоторые ее лингвистические особенности. Вопрос об авторстве данной редакции не решен окончательно, исследователи приписывают ее создание или митрополиту Алексию, или митрополиту Киприану. Третья редакция является результатом деятельности болгарского патриарха Евфимия Тырновского и известна на данный момент в двух рукописях — Зографском свитке (Зограф. 1 г. 12. Кон. XIV в.) и Зографском служебнике (НБКМ. № 231. Кон. XIV в.). В Зографском свитке имеется прямая атрибуция Евфимию: *вѣтвнаа слоѹба стѣхъ антѹргїа, дїаконскаа кѹрїейѹмїа патрїарха тырновскаго*. Их издал в 1890 г. П. А. Сырку¹⁶. Т. И. Афанасьева, исследуя текстологию славянских редакций Диатаксиса, отмечает, что обе южнославянские редакции (Афонская и редакция Евфимия) имеют некоторые расхождения с известным греческим текстом из библиотеки Ватопедского монастыря, и связывает это с тем, что перевод Диатаксиса у южных славян приспособлялся к местным богослужебным традициям¹⁷.

Указанные редакции Диатаксиса патриарха Филофея имеют ряд разночтений на разных языковых уровнях, что свидетельствует об их независимости друг от друга, о различиях в их переводческой технике, а также о том, что они были созданы, вероятно, в разных частях славянского мира и в разное время. Систематическое изучение языковых данных этих редакций еще не производилось, в то время

¹³ Пентковский А. М. Из истории литургических преобразований в Русской Церкви в третьей четверти XIV столетия. С. 225–230.

¹⁴ Афанасьева Т. И. К вопросу о редакциях славянского перевода Диатаксиса Божественной литургии патриарха Филофея Коккина (в печати).

¹⁵ Афанасьева Т. И. Южнославянские переводы литургии Иоанна Златоуста // Многократные преводы в Южнославянского Средневековье. София, 2006. С. 262.

¹⁶ Сырку П. К истории исправления книг в Болгарии в XIV в. Т. I. Ч. 2. С. 1–31.

¹⁷ Афанасьева Т. И. К вопросу о редакциях славянского перевода Диатаксиса Божественной литургии патриарха Филофея Коккина (в печати).

как такое изучение позволило бы сделать более определенные выводы о переводческой технике каждой редакции и выявить различия между ними. Целью настоящей работы является определение языковой нормы русской редакции Диатаксиста в сравнении с двумя южнославянскими, для чего проводится анализ лингвистических особенностей всех редакций на разных уровнях. С другой стороны, проводится сопоставление данных русской редакции Диатаксиста с данными ранней русской редакции Иерусалимского Устава с целью выявить их переводческие установки и определить, могли ли они принадлежать одному переводческому кругу, как это предполагается в работе А. М. Пентковского.

Лексические разночтения между славянскими редакциями Диатаксиста касаются прежде всего литургической терминологии, что играет важную роль для определения нормы богослужебного текста. Выбор лексем для перевода греческого термина позволяет определить принадлежность рассматриваемого перевода к той или иной переводческой традиции, в зависимости от того, ориентируется ли текст на стандартную церковнославянскую норму, отдает предпочтение локальным эквивалентам или заимствует греческий термин¹⁸. Наиболее многочисленную группу разночтений в текстах славянских редакций Диатаксиста составляют случаи выбора стандартной церковнославянской лексики русской и Афонской редакциями, в то время как редакция Евфимия использует грецизм: время служебное (Р) — время службы (А) — время литургичн (Е) греч. ἱερουργίας καιρός; блюдо, блюдце, единично днскось (Р) — блюдце, блюдо (А) — дѣскось (Е) греч. δίσκος; поставльшнн (Р) — поставльшнн (А) — херотвинншавшнн (Е) греч. χειροτονήσαντος; поклонъ (Р) — поклоненне (А) — метаніе (Е) греч. μετάνοια. При выборе славянских эквивалентов, как правило, термины русской редакции совпадают с терминами афонской, в то время как чтение редакции Евфимия отличается: с̃тън хлѣбъ (Р) — с̃тън хлѣбъ (А) — с̃тън агнець (Е) греч. ἄγιος ἄρτος; покровецъ, покровъ (Р) — покровецъ (А) — покрывало (Е) греч. κάλυμμα; свѣщннкъ (Р) — свѣщннкъ (А) — свѣтлннкъ (Е) греч. μανυάλιος; тання (Р) — тання (А) — служба (Е) греч. μυσταγωγία; лукавын (Р) — лукавын (А) — скверънын (Е) греч. πονηρός; уалтаръ (Р) — уалтаръ (А) — жрѣвннкъ (Е) греч. βήμα («алтарь»).

Другую, также достаточно многочисленную группу составляют случаи совпадения лексем Афонской и Евфимиевской редакций, что вполне объясняется их южнославянским происхождением. В них, как правило, употребляются характерные для южнославянской традиции лексемы, при этом русская редакция использует другие слова. Здесь также выделяется целый пласт грецизмов, на этот раз представленных в Афонской и Евфимиевской редакциях в отличие от русской, где предпочтение отдается славянским лексемам: создатеан (Р) — ктнторн (А) — ктѣторы (Е) греч. κτητόροι; жертвеннкъ (Р) — проскомнднн (А) — проскомндѣн (Е) греч. πρόθεσις; образъ (Р) — нкона (А) — нкнна (Е) греч. εἰκών; престолъ (Р) — трапеза (А) — трапеза (Е) греч. τράπεζα; въздухъ (Р) — аеръ (А) — аеръ (Е) греч. ἄηρ. Таким образом, многие чтения Афонской редакции находим в двух других редакциях, русской и Евфимиевской, при этом совпадений между русской и Афонской редакциями больше.

Всего в трех случаях перевод греческого термина совпадает в русской редакции и редакции Евфимия, отличаясь от соответствующего чтения Афонской редакции: потнрь (Р) — чаша (А) — потѣрь (Е) греч. ποτήριον; настоан (Р) — прѣстатеель (А) — настоан (Е) греч. προεστός; страна (Р) — лнкъ (А) — страна (Е) греч. χώρα. Вариант настоан можно считать «новым», широко использующимся в текстах уже после XIV в., о чем свидетельствуют данные словарей древнерусского языка: «неподобно есть... еже иноком исходити вне обители кроме благословения **настоащегоо**... егда убо инокъ начнетъ... скитатиса вне обители кроме благословения **настаащаго**, тога ловить диавол или в грех воврещи его или смерти предати» (ДРС, (Монастырский Устав), Послания Иосифа Волоцкого, 310. 1514 г.); «но паче долженъ есть **настоай** смотрѣти, какова члѣка приимати: смирена бы и кротка и тиха и трѣпѣлива» (картотека ДРС, Иноческий устав преп. Евфросина. 525. XV в. Сп. XVI в.);

¹⁸ Пентковская Т. В. Иерусалимский Устав в рукописи из коллекции П. Фекулы (Fekula-VI) // Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 148.

Л. 221 в). Только по одному разу в тексте русского Иерусалимского Устава встречаются *днскоць* и *потнрь*: възнмають же щенкъ оба сударѣ ѿ стѣхъ по обычаю и покръють пакн едннѣмъ обовыеть се же кестъ *днскоць* и *потнрь* • нлн въздучомъ (Син. 329. Л. 211 г). Возможно, это объясняется стремлением выделить узко литургическое значение обоих слов в данном контексте.

Различен в текстах и перевод греческого τὸ θυσιαστήριον, обозначающего алтарь: в Диатаксисе использована лексема *алтарь*, в русской редакции Иерусалимского Устава *жертвеннкъ*, что, по словам И. Д. Мансветова, является неточным переводом²³. В более поздних русских редакциях Иерусалимского Устава *жертвеннкъ* заменяется словом *алтарь*: дыакѣ поклоннвѣса прѣмо стго *алтарѣ* ѿходѣ ѿ мѣста оногѣ (Син. 601. С. 51) — ὁ διάκονος ποιήσας προσκύνημα κατέναντι τοῦ ἁγίου **θυσιαστηρίου**, μεθίσταται ἐκ τοῦ τόπου αὐτοῦ; нереи же каднть стгю трапезу и всещинне и *жертвеннкъ* крѣтовбразно (Син. 329. Л. 13) — θυμιάσας δε ὁ ἱερεὺς τροειδῶς τὴν ἁγίαν τράπεζαν, καὶ ὄλον τὸ **θυσιαστήριον**, нереѣи же с канднлаптѣ нсходнта ѿ *жертвенника* и стварѣета поклоненне (Син. 329. Л. 13 об.) — ὁ δε ἱερεὺς μετὰ τοῦ κανδηλάπτου, ἐξελθὼν τοῦ ἁγίου **θυσιαστηρίου**, καὶ ποιήσας μετανοίαν.

При переводе греческого εἴσοδος, обозначающего церковный обряд выхода из алтаря лиц, совершающих богослужение, с евангелием или кадиллом или со святыми дарами, в списках русской редакции Диатаксиса последовательно используется общецерковнославянский термин *въходъ*, в то время как в русской редакции Иерусалимского Устава в абсолютном большинстве случаев используется *выходъ*: и тако нсходѣть малымн двермн творѣть малы *въходъ* (Син. 601. С. 53) — καὶ οὗτον ἐξελθόντες διὰ τοῦ βορείου μέρους ποιοῦς τὴν μικράν **εἴσοδον**, щенннкъ млтвѣ *входѣ* таи (Син. 601. С. 53) — λέγει ὁ ἱερεὺς τὴν εὐχὴν τῆς **εἰσόδου** μυστικῶς, и тако творѣть велнкн *входъ* прѣходѣщю дыаконоу (Син. 601. С. 61) — καὶ οὗτο ποιοῦσι τὴν μεγάλην **εἴσοδον**, пропоревуμένου τοῦ διακόνου облекытса въ служебннцн въ щенннскнн чннъ нсходѣть на *выходъ* с каднломъ (Син. 329. Л. 14) — ср. **εἰσοδεῦσαι** μετὰ τοῦ θυμιατοθοῦ, трѣ гн и блаженна ѿ охтон възскрснана настоѣщаго гласа съ кермомъ нлн *выходъ* трѣ възскрнннн (Син. 329. Л. 22 об.). Лексема *выходъ* относится к числу русизмов и встречается уже в переводах раннего периода, выполненных в Древней Руси, а к XIV в. широко употребляется в списках русских богослужебных книг²⁴.

Для обозначения поющих на клиросе (греч. οἱ ψάλλοντες) в русской редакции Диатаксиса используются лексемы *пѣвци* и *поющн*, в русском Иерусалимском Уставе — лексема *лнкъ*: и егда же прндуть *пѣвци* пѣтн славоу (Син. 601. С. 51) — ὅτε δε ἔλθωσιν οἱ **ψάλλοντες** εἰς τὸ, Δόξα, *пѣвци* же рекъ амннъ и поють трнстѣе (Син. 601. С. 53) — **ψαλλόντων** δε τῶν ἔξω τὸ τρισάγιον, *пѣвци* же поють обычѣа трѣпн (Син. 601. С. 53) — οἱ δε **ψάλλοντες** λέγουσιν τὰ συνήθη τροπάρια, и скончавшнсѣ мѣ егда оуслышн *поющн* глщн (Син. 601. С. 55) — τελεσθείσης δε τῆς εὐχῆς ὅταν ἀκούσωσιν τὰς **ψάλλοντας** λέγοντας τὸ, Δόξα καὶ νῦν: по скончавннн же пѣлма совокупльше оба *лнка* пою стн (Син. 329. Л. 13 об.), *лнкн* же стануть по чннну своємѣ и поють проуаѣ сѣглнннн (Син. 329. Л. 14 об.), *лнкн* же по коємждѣ стнсъ пою (Син. 329. Л. 18). С другой стороны, греческое χορός для обозначения места, где стоят поющие, — клироса, и в русском Диатаксисе, и в русском Иерусалимском Уставе переводится лексемой *страна*: входѣтъ въ црѣквѣ с дыакономъ и створѣють вкупѣ къ възстокомъ поклоннн трн. тѣ къ правон *странѣ* покѣдѣ едннъ и къ левон такоже (Син. 601. С. 37) — εἰσέρχεται ἐν τῷ ναῶ, καὶ ἐνωθεθεῖς τῷ διακόνῳ, ποιοῦσιν ὁμοῦ πρὸς ἀνατολὰς προσκυνήματα γ' καὶ εἰς τοὺς δύο **χορούς** ἀνά ἐν, καὶ οὕτως ἀπέρχονται; и обратнвса стварѣеть .л. поклонннн прѣ стзмн двермн тѣ на обѣ *странѣ* по еднноу (Син. 329. Л. 2) — καὶ ἀπελθῶν, ποιεῖ μετανοίας, γ', ἔμπροθεν τῶν ἁγίων θυρῶν. Καὶ εἰς τοῖς **χορούς**, πρὸς μίαν; и стварѣета поклоненне купно прѣд стмн двермн гѣжѣ и на обѣ *странѣ*

²³ Мансветов И. Д. Церковный устав (типик): его образование и судьба в греческой и русской церкви. С. 343.

²⁴ Пентковская Т. В. Ранняя русская редакция Иерусалимского устава, ее лингвистический характер и место в славянской переводной традиции.

по едннѡю (Син. 329. Л. 2) – εἰς τοὺς **χοροὺς** πρὸς μίαν. Однако та же лексема используется в Иерусалимском Уставе для обозначения самих поющих, в то время как в Диатаксисе используются другие варианты, а именно упомянутые выше пѣвци и поющнн: науннаѣтъ дѣснага **страна** стѣ велнунтъ дѣша мога гѣ тѣ ѡстннншю херовнмъ такоже стварѣють н другага **страна** (Син. 329. Л. 20); аще н недѣла ѣ н науннаѣтъ лѣвага **страна** нрмѡ ѡ пѣснн (Син. 329. Л. 20 об.); науннающнна **страна** поѣтъ во тѣ гла̇ аллѣѣа... другага **страна** поѣтъ во тѣ же гла̇ аллѣѣа (Син. 329. Л. 24 об.).

Русская редакция Диатаксиса примечательна использованием некоторых лексем. С одной стороны, здесь присутствуют слова, характерные именно для русской письменной традиции. Так, лексемы *оукропыць* («теплая вода»), а также *оукропыннкъ* («сосуд для теплой воды») встречаются только в русской редакции Диатаксиса, в южнославянских редакциях Диатаксиса им соответствуют термины *топлота*, *теплое*, которые ближе передают греческий термин: *прнемлеть оукропннкъ*, *влнваетъ оукропца* (Р) — *теплое* (А) — *топлота* (Е) τὸ ζέον. Слова *оукропъ*, *оукропыць*, *оукропыннкъ* в указанном значении характерны и для других древнерусских текстов, таких как русский Студийский устав, Церковные правила Илии, архиепископа Новгородского, Софийский временник²⁵. В тексте русского Диатаксиса встречается также характерная для русских текстов лексема *крошкы* в значении «части просфоры»: *сврѣтѣ крошкы около стѣ блѡ* (Р) — *частв* (А) — *чѣств* (Е) греч. *μερίδας*. Словарями древнерусского языка зафиксированы однокоренные *кроха*, *крохотъка* в значении «маленькая часть просфоры» и в других русских памятниках: «оже мышь начнетъ дискошь у слоужбы. и и оузритъ попинъ или до переноса. или по переносѣ. и соскребѣ ѣ ножикомъ. и слоужитъ. а новаго не выимаѣтъ а **крохы** выспоуть в ты **крохы**, иже то с литона сънимають» (СлДРЯ. Т. IV. С. 305, Церковные правила Илии Новгородского, Кормчая Новгородская 1280 г., 5086); «платъ, иже лежить на трапезѣ согбенши, въ нем же **крохотъць**» (СлРЯ. Вып. 8. С. 76, Вопросание Кириково, Кормчая Новгородская 1280 г.). Наличие таких слов, как *крошкы*, *оукропыць*, в тексте одной из редакций Диатаксиса, наряду с тем, что она неизвестна в южнославянских списках, подтверждает ее русское происхождение. С другой стороны, русская редакция Диатаксиса отличается наличием некоторых «уникальных» грецизмов, неизвестных в данном значении ни предшествующей, ни последующей церковнославянской традиции: *лавнта* для греческого *λαβίδα* («ложка для причастия»), ср. *лѣжнца* в Афонской и Евфимиевской редакциях; *фнннкъ* для греческого *μοῦσα* («маленькая метла для сбора частей литургического хлеба»), ср. *метнца* в южнославянских редакциях²⁶. Вероятно, эти слова являются локальными литургическими грецизмами, присущими только очень узкому кругу текстов русского извода, что позволяет предположить их принадлежность русской переводческой традиции XIV в. и считать их своего рода регионализмами. Возможно, появление грецизма *лавнта* в русском Диатаксисе было вызвано стремлением разграничить обычное и собственно литургическое значение слова. При этом русская редакция Иерусалимского Устава выбирает стандартное *лѣжнца*, встречающееся в других славянских памятниках и утвердившееся и в современном церковнославянском языке.

Анализ лексического состава славянских редакций Диатаксиса показал наличие особой переводческой техники в каждом тексте. Так, наибольшее количество грецизмов представлено в редакции Евфимия, при этом в Афонской и русской редакциях им соответствуют славянские лексемы. Часть грецизмов, характерных для южнославянской традиции, присутствует и в Афонской редакции (*ктнтѡръ*, *проскомнднѣ*, *аеръ*), в то время как русская редакция отказывается от таких заимствований в пользу славянских эквивалентов (*создатель*, *жертвеннкъ*, *воздѣхъ*). Русскую и Евфимиевскую редакции сближает наличие условно «новых» терминов (*настоѣн*, *потнрь*), что говорит, возможно, о более позднем их происхождении по сравнению с Афонской. С другой стороны, русская редакция Диатаксиса является более поздней и отражающей менее «локальную» норму и по сравнению с ранней русской редакцией

²⁵ См.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка в 3 т. М., 2003. Т. III. Стб. 1188–1189.

²⁶ Пентковский А. М. Из истории литургических преобразований в Русской Церкви в третьей четверти XIV столетия. С. 226.

Иерусалимского Устава, в которой использованы лексические регионализмы, уникальные грецизмы, архаичные варианты. Лексическая норма русского Диатаксиста по сравнению с Иерусалимским Уставом оказывается более «новой», наряду с этим нужно отметить, что перевод многих греческих терминов последовательно различается в русских редакциях Иерусалимского Устава и Диатаксиста, что ставит под вопрос их атрибуцию одному переводческому кругу.

На морфологическом уровне в славянских редакциях Диатаксиста интерес вызывает использование формы двойственного числа глагола-сказуемого при согласовании с подлежащим, обозначающим двух лиц. В редакции Евфимия Тырновского, а также в русской редакции в конструкциях, описывающих действия двух субъектов, используются только формы единственного и множественного числа глаголов, а формы двойственного числа полностью отсутствуют во всех списках этих редакций. При этом в списках Афонской редакции двойственное число глаголов в таких контекстах используется достаточно последовательно: и тако **вѣходѣтъ** малымъ двѣрмъ къ жертвеннкѣ **гѣще** къ себѣ мѣ (Р. Син. 601. С. 37), и тако **вхвдѣ** въ сѣтинъ олтѣрь. и **творѣ** метаніе прѣ сѣю трѣпезѣ, и **гѣ** мѣтѣ сѣ (Е. Зограф. 1 г. 12. С. 1²⁷), и тако **вѣходѣтъ** . егда же **покланѣтасѣ гѣ** къ себѣ мѣтѣ снѣ (А. Соф. 535. Л. 2²⁸) — καὶ οὕτως ἀπέρχονται. ὅτε δε προσκυνοῦσι λέγουσι καθ' ἑαυτοῦς τὴν εὐχὴν ταύτην; **прѣходѣтъ** нерен с дѣякономъ прѣ сѣю трѣпезѣ. и **творѣ** поклонѣ оба (Р. Син. 601. С. 51), **прѣходѣтъ** ѣрен же и дѣякѣ прѣ сѣю трѣпезѣ и **творѣ** поклонѣнѣ възупѣ (Е. Зограф. 1 г. 12. С. 10), **прѣходѣтъ** нерен же и дѣякѣ прѣ сѣю трѣпезѣ. и **творѣ** поклонѣнѣ (А. Соф. 535. Л. 15) — ἔρχονται ὅτε ἱερεὺς καὶ ὁ διάκονος ἔμπροσθεν τῆς ἀγίας τραπέζης καὶ **поиоуѣ** προσκύνησιν ὁμοῦ. Сказанное о формах глаголов-сказуемых является верным и по отношению к действительным причастиям настоящего времени, обозначающим действия двух субъектов. В русской и Евфимиевской редакциях такие причастия стоят в форме множественного числа, в Афонской — в форме двойственного: тѣ **прѣложивше** ѡба рѣкъ своѣ к персемъ своимъ крѣтабѣразно **покланѣютѣ** съ бѣгоговѣнемъ (Р. Син. 601. С. 49), таже **сѣзавше** ѡбѣ своѣ рѣцѣ и **поклоншесѣ** (Е. Зограф. 1 г. 12. С. 7), тѣ **сѣзавша** ѡба рѣцѣ своѣ. и **поклоншесѣ** (А. Соф. 535. Л. 10) — εἶτα **дѣсантѣ** ἀμφότεροι τὰς ἑαυτῶν χεῖρας καὶ **проскунѣсантѣ** εὐλαβῶς; **покланѣютѣ** ѡба прѣ сѣю трѣпезѣю **молащѣ** к себѣ (Р. Син. 601. С. 67), **покланѣтасѣ** ѡбѣ прѣ сѣю трѣпезѣю, **молащесѣ** въ себѣ (Е. Зограф. 1 г. 12. С. 21), **покланѣтасѣ** ѡба прѣ сѣю трѣпезѣю **молащасѣ** к себѣ (А. Соф. 535. Л. 34 об.) — **проскунѣоуѣ** ἀμφότεροι τρίτον ἔμπροσθεν τῆς ἀγίας τραπέζης **εὐχόμενοι** καθ' ἑαυτοῦς. Таким образом, Афонская редакция Диатаксиста противопоставлена двум другим славянским редакциям тем, что в ней достаточно последовательно употребляются формы двойственного числа глаголов и причастий, в то время как в русской и Евфимиевской они отсутствуют вовсе. Это явление, возможно, свидетельствует в пользу более раннего происхождения текста Афонской редакции по сравнению с другими. Известно, что в более ранних южнославянских переводах Иерусалимского Устава, а также в славянской редакции Литургии Преждеосвященных Даров, предшествующей правленным ее редакциям, двойственное число глаголов используется во всех ожидаемых случаях. Показательно, что в ранней русской редакции Иерусалимского Устава двойственное число глаголов при подлежащем, обозначающем двух лиц, используется последовательно: иѣрен же с канѣнапѣтѣ **нхѣдѣтъ** ѡ жертвеннкѣ и **ствѣрѣтѣ** поклонѣнѣ купно прѣ сѣю трѣпезѣю . гѣ . жѣ и на ѡбѣ странѣ по ѣднѣю . и на дѣин **станѣтѣ** на свохъ мѣстѣхъ (Син. 329. 13 г); по семь иѣрѣн и дѣякѣ **творѣтъ** нхѣженѣ въ прѣтворѣ (Син. 329. 14 г). Данное наблюдение ставит под сомнение предположение о создании Диатаксиста и Иерусалимского Устава одним кругом лиц, так как в этих редакциях проявляются различные переводческие установки. В то же время в более поздних редакциях Иерусалимского Устава,

²⁷ Здесь и далее чтения Диатаксиста редакции Евфимия Тырновского даются по публикации в *Сырку П.* К истории исправления книг в Болгарии в XIV в. СПб., 1890. Т. I. Ч. 2. С. 1–31.

²⁸ Здесь и далее чтения Афонской редакции Диатаксиста даются по списку РНБ. Соф. 535. XV в.

как русских, так и болгарских, а также в правленных редакциях Литургии Преждеосвященных Даров формы двойственного числа глаголов отсутствуют²⁹.

Церковнославянский синтаксис во многом ориентирован на греческие образцы, использование конструкций, которые осознавались бы как локальные, в славянских переводах на допускатось³⁰. Однако со временем и под влиянием различных факторов различные изводы могли предпочитать те или иные средства перевода греческих моделей, что впоследствии привело к дифференциации грамматических норм этих изводов³¹. Анализ различий в передаче синтаксических конструкций славянскими переводами призван определить их принадлежность к грамматической норме того или иного извода церковнославянского языка. В области синтаксиса, таким образом, интерес в рассматриваемых текстах представляет перевод определенных греческих моделей, те средства, которые предпочитают в разных славянских редакциях Диатаксиса, а также в ранней русской редакции Иерусалимского Устава. В разной степени все три славянские редакции Диатаксиса стремятся точно передать эти греческие модели. Так, греческий артикль при именной группе передается местоимениями *нже*, *еже*: *н тако прнѣцаетъ ѣже в рѣцѣ держнмоу частю съ страхомъ н всакымъ блѣговѣнемъ* (Р. Син. 601. С. 73), *прнѣцаетсѧ соущаго въ рѣкахъ съ страхомъ н всакимъ н впаствѣ* (А. Соф. 535. Л. 43 об.), *н тако прнѣцаетсѧ нже въ рѣцѣ дрѣжнмѣ ѡ ѡ съ страхомъ въ съчѣмъ впаствѣ* (Е. Зограф. 1 г. 12. С. 26) — *καὶ μεταλαμβάνει τοῦ ἐν χερσὶ μετὰ φόβου καὶ πᾶσης ἀσφαλείας; н тѧ втерше нже рѣкама дрѣжнмѣмъ покровцемъ. свон оубо оустнѣ. н стѧ потнрѧ* (Р. Син. 601. С. 75), *тѧ втеръ с покровѣцѣ нже в рѣкѧ. свон же оустнѣ н сѣннѣна ѡшн* (А. Соф. 535. Л. 44 об.), *таже обрѣсавъ нже въ рѣкоу дрѣжнмѣмъ покрывало своѣ оустнѣ же н стѣо потнрѣ* (Е. Зограф. 1 г. 12. С. 27) — *εἶτα ἀποσπογγίσας διὰ τοῦ ἐν χερσὶ καλυμματίου τὰ τε ἴδια χεῖλη, καὶ τοῦ ἱεροῦ ποτηρίου*. Однако менее последовательно эта тенденция выдерживается в списках русской редакции Диатаксиса, где греческая конструкция может не калькироваться, а передаваться стандартными церковнославянскими средствами: *н прнемъ фнннкъ сѣнрѣѣ крошкы около стѧ блѣ. такѣ н частн всѧ около стѧ хлѣба* (Р. Син. 601. С. 47), *вземъ метанцю сѣнрѣетъ ѣже въ стѣмъ блѣдѣ частн ѡ нздолѣ подъ стѣн хлѣвъ* (А. Соф. 535. Л. 8 об.), *н възѣ метанцѣ сѣнрѣетъ въсѧ ѡже въ стѣ дѣскокъ ѡ частн пѣ стѣо агнѣца* (Е. Зограф. 1 г. 12. С. 6) — *καὶ λαβὼν τὴν μοῦσαν συλλέγει τὰς ἐν τῷ ἀγίῳ δίσκῳ μερίδας ὑποκάτω τοῦ ἀγίου ἄρτου*.

В рассматриваемых редакциях Диатаксиса представлены различные способы передачи греческих конструкций с субстантивированным инфинитивом. Так, конструкция *μετὰ τὸ + inf.*, выражающая отношения следования во времени, калькируется в русской и Евфимиевской редакциях (по *еже + inf.*) и передается конструкцией по *внегда + inf.* в Афонской: *по еже сътворити настоѧщему рѣкѣше нгуменю. обыннѣн поклонъ* (Р. Син. 601. С. 37), *по внегда створити обыннѣное предстателю поклоненне* (А. Соф. 535. Л. 2), *по еже сътворити обыннѣное настоѧщому метаніѣ* (Е. Зограф. 1 г. 12. С. 1) — *μετὰ τὸ ποιῆσαι τὴν συνήθη τῷ προεστῶτι μετάνοιαν*. В русской редакции Иерусалимского Устава греческие конструкции, выражающие временные отношения, не калькируются, а передаются на славянский существительным с предлогом: *по захоудъ снннѣмъ* (Син. 329. Л. 13) — *μετὰ τὸ δύναι τὸν ἥλιον, преже захода снннѣнаго* (Син. 329. Л. 12 об.) — *πρὸ τοῦ δύναι τὸν ἥλιον*. Отсутствие инфинитивных конструкций для передачи временных отношений отличает русскую редакцию Иерусалимского Устава от русской редакции, которая в этом случае копирует греческую модель. Русская редакция Иерусалимского Устава, таким образом, предпочитает более архаичную конструкцию.

Греческая модель *διὰ τὸ (μὴ) + inf.*, имеющая значение цели, калькируется только в Афонской редакции Диатаксиса, в двух других передается славянской конструкцией *яко да (не) + личная форма глагола*: *не обращаетъ стѣн агнець ннцѣ яко да не оупоустнтъ воду* (Р. Син. 601. С. 43),

²⁹ Пентковская Т. В. Иерусалимский Устав в рукописи из коллекции П. Фекулы (Fekula-VI). С. 164–167.

³⁰ Пичхадзе А. А. Языковые особенности древнерусских переводов с греческого // XII Международный съезд славистов: Славянское языкознание. М., 1998. С. 484.

³¹ Йордаль К. Греко-русские синтаксические связи // Scandoslavica XIX. Copenhagen, 1973. С. 144.

и вѣрацаеть дѣроуѣю страну горѣ. ѣже нмать крѣтъ тоуѣю. аще теплѣ есть и паритса. тогда во възнакъ да лежатъ **за еже не сотворити** ѿ нздолѣ **мокроты** (А. Соф. 535. Л. 5 об.), и прѣвращаетъ его ннцѣ аще нѣ топлѣ **яко да не испуцетъ влагѣ** (Е. Зограф. 1 г. 12. С. 4) — καὶ στρέφει τὸ ἕτερον μέρος ἐπάνω τὸ ἔχον τὸν σταυρὸν, εἰ μήπως ἐνὶ ζέων καὶ ἀτμίζων, τότε γὰρ ὑπτιος κείσθω, **δια τὸ μὴ ποιῆσαι κάτοθεν ὑγρότητα.**

Греческий оборот Accusativus cum infinitivo с союзом ὥστε для обозначения цели во всех редакциях калькируется — для его передачи используется славянская конструкция **яко + inf.**: отнраѣ гѣбою оуставленною на се. всакѣ мокротѣ **яко не встатн** ни едннон же мокротѣ (Р. Син. 601. С. 79), отнраѣ впасно мокротѣ гѣбою **яко не встатн** никакова влага (А. Соф. 535. Л. 48), обрѣсавь впаствѣ възса мокротѣ гѣбою **якоже не остатн** никако же възнатрѣ каковѣ либо мокротѣ (Е. Зограф. 1 г. 12. С. 29) — ἀκριβῶς πᾶσαν τὴν ὑγρότητα τῷ σπόγγῳ ὥστε μὴ ἐναπλειθῆναι τὴν τυχοῦσαν νοτίδα. Однако в тексте русской редакции наряду с этой конструкцией зачастую встречается стандартная славянская **яко да + личная форма глагола**: и прнемъ фнннкѣ сѣнраѣ крошкы около стѣ влѣ. такѣ и частн вса около стѣ хлѣба, **яко да** въ сѣблюденнн и сѣхраненн **будуць. яко да** нѣкѣ что ѿ ннхѣ **ѿпаде** (Р. Син. 601. С. 47), вземъ метлицѣ сѣнраеть еже въ стѣмъ блудѣ частн ѿ нздолѣ подѣ стѣин хлѣбѣ. **якоже лежатн** въ сѣблюденн и оутверженнн и **не испаднотн** что (А. Соф. 535. Л. 8 об.), и възѣ метлицѣ сѣнраеть възса **аже** въ стѣмъ дѣскосъ частн пѣ стѣо агнѣца, **яко лежатн** възсѣмъ сѣвѣкоупно и **не ѿпаствн** ѿ нн ннчтоже (Е. Зограф. 1 г. 12. С. 6) — καὶ λαβὼν τὴν μοῦσαν συλλέγει τὰς ἐν τῷ ἁγίῳ δίσκῳ μερίδας ὑποκάτω τοῦ ἁγίου ἄρτου ὅστε κείσθαι ἐν ἀσφαλείᾳ καὶ μὴ ἐκπεσεῖν τί; възпускаетъ вса сѣ стѣ влѣ въ стѣин потнрѣ сѣ страхомъ и со всакѣмъ сѣблюденнѣ. **яко да** нѣкѣ ни еднно малѣншн что **ѿпаде** **нн встанеть и погзбнѣ** небреженнѣ (Р. Син. 601. С. 75), сѣкоуплаеть вса въ стѣоу чашоу. сѣ страхѣ и всакѣн впащенемъ. **яко же** ннчто же ѿ тончаншн **паднотн** **нн встатн** (А. Соф. 535. Л. 44 об.), потрѣблѣ стѣа въ стѣин потѣрѣ сѣ страхѣ и възсѣѣ опасствѣ, **яко** ни малѣу възсоу **остатн** въ стѣомъ дѣскосъ нн ѿпадшомѣ **оставитнса** (Е. Зограф. 1 г. 12. С. 27) — εἰσχομίζει πάντα ἐν τῷ ἁγίῳ ποτηρίῳ μετὰ φόβου καὶ πάσης ἀσφαλείας. ὥστε μηδὲν τι τῶν ἄγαν λεπτοτάτων ἐκπεσεῖν ἢ καταλεφθῆναι. Русская редакция менее последовательна в калькировании греческой модели по сравнению с южнославянскими. Примечательно в связи с этим, что в редакции Евфимия Тырновского, наиболее «гречизированной» из всех, также находим пример отступления от буквального следования греческой модели: опахаѣ тнхо со всакѣн вннманнемъ и сѣ страхомъ верху стѣи. **яко не сѣствн** мѣхамъ нн нному которѣму такоу (Р. Син. 601. С. 67), вннмаеть нѣ стѣин сѣ всакѣмъ блѣгоговѣннемъ. **яко же не сѣствн** мѣхамъ, нн что таковыхъ жнвотѣ, малыхъ (А. Соф. 535. Л. 32 об. — 33), вѣтрнтѣ надѣ стѣимъ сѣ възсѣѣ блѣгоговѣннствѣ. **яко да не садѣ** мѣха нн что ѿ таковын жнвотнн (Е. Зограф. 1 г. 12. С. 20) — ριπίζει ἐπάνω τῶν ἁγίων μετὰ πάσης εὐλαβείας, ὥστε μὴ καθίσει μῦϊαν ἐκ τι τῶν τιούτων ζωφίων.

Различия между славянскими редакциями Диатаксиста проявляются при переводе греческих предложных конструкций. Так, для передачи греческой модели μετὰ + Gen. в инструментальном значении в Афонской редакции предпочтительно используется традиционная церковнославянская беспредложная конструкция, в то время как русская и Евфимиевская калькируют греческую модель (сѣ + Твор.): и въземъ частъ **сѣ стѣимъ копнемъ** (Р. Син. 601. С. 43), въземъ частъ **стѣимъ копнемъ** (А. Соф. 535. Л. 6), и въземъ зрѣно **сѣ стѣимъ копѣемъ** (Е. Зограф. 1 г. 12. С. 4) — καὶ αἴρων μερίδα μετὰ τῆς ἁγίας λόγῃς; тѣ пакн дѣякѣ показуѣ **сѣ свонмъ оураремъ** на стѣа (Р. Син. 601. С. 69), и лѣне показуѣ **вларѣ свонмъ** възкоупь стѣа (А. Соф. 535. Л. 35), и пакы показуѣ **сѣ свонмъ оураремъ** коупно на стѣа (Е. Зограф. 1 г. 12. С. 21) — καὶ αὐθις δεικνύων μετὰ τοῦ ἰδίου ὠραρίου ὁμοῦ τὰ ἅγια. При переводе греческих конструкций с предлогами в текстах русского Диатаксиста и русской редакции Иерусалимского Устава наблюдаются различные тенденции. Так, при переводе греческой модели с предлогом μετὰ в русском Диатаксисте, как уже было

сказано, предпочтение отдается калькированной предложной конструкции, в русской редакции Иерусалимского Устава — традиционной конструкции без предлога: н въземъ чась **съ сѣтымъ копнемъ** (Р. Син. 601. С. 43) — καὶ αἴρων μερίδα **μετὰ τῆς ἁγίας λόγχης**, показуѣа оубо к възтокѡ **съ оураремъ** ѡкоже держнть тѡ (Р. Син. 601. С. 53) — δεικνύων ἅμα καὶ πρὸς ἀνατολὰς **μετὰ τοῦ ὠραρίου** οὕτως, ерѣн же горнюю чась прнемъ творнтъ с нею крѣтъ верху сѣго потнрѡ (Р. Син. 601. С. 71) — ὁ ἱερεὺς λαβὼν τὸν ἄνω κείμενον μερίδα ποιεῖ **μετὶ αὐτῆς** σταυρὸν ἐπάνω τοῦ ἁγίου ποτηρίου; начерта крѣта **каднломъ** (Син. 329. Л. 15 об.), прекрѣнтъ сѣгю трапезу **каднломъ** (Син. 329. Л. 18 об.) — χαράττων σταυρὸν **μετὰ τοῦ θυμιατοῦ**.

Для передачи греческой модели διὰ + Gen., имеющей пространственное значение, редакции Диатаксиса выбирают различные средства. Так, русская редакция сохраняет традиционную старославянскую беспредложную модель, в то время как редакция Евфимия дает предложную модель ѿ + Rod., калькируя конструкцию оригинала. Афонская редакция использует обе конструкции: н тако нсходѡ **малымъ двермъ** (Р. Син. 601. С. 53), н тако нзъшедше **ѿ сѣверныа страны** (А. Соф. 535. Л. 15 об.), н тако нзшѣше **ѿ малыи дверен** (Е. Зограф. 1 г. 12. С. 10) — καὶ οὕτως ἐξεληξόντες **διὰ τοῦ βορείου μέρους**; н нсходѣ **сѣтымъ двермъ** н входнтъ на оурѣнное мѣсто (Р. Син. 601. С. 57), н нзшѣ **сѣтымъ двермъ** ѿходнтъ н стаеѣ на оуставленномъ мѣстѣ (А. Соф. 535. Л. 20 об.), н нзшѣ **ѿ сѣти дверен**, ндѣ н станѣ на оуставленномъ мѣстѣ (Е. Зограф. 1 г. 12. С. 13) — καὶ ἐξεληθὼν **διὰ τῶν ἁγίων θυρῶν**, ἀπέρχεται καὶ ἴσταται ἐν τῷ τεταγμένῳ τόπῳ.

В русской редакции Диатаксиса после глаголов, обозначающих направленные действия, используется предложная конструкция вместо стандартной, характерной для древних текстов, беспредложной, т. е. в Диатаксисе калькируется модель греческого протографа. Та же ситуация наблюдается в южнославянских редакциях: показуѣа оубо к възтокѡ **съ оураремъ** ѡкоже держнть тѡ (Р. Син. 601. С. 53), н показѡѣ вкоупѣ **къ възтоку** съ оуларемъ снѣе держа его (А. Соф. 535. Л. 16), показѡѣ коупно н **къ възтокѡ** съ wrarѣ снѣе дрѣжѣ его (Е. Зограф. 1 г. 12. С. 10) — δεικνύων ἅμα καὶ **πρὸς ἀνατολὰς** μετὰ τοῦ ὠραρίου οὕτως, ὡς κρατεῖ αὐτὸ; н зрѡ **к западѡ** (Р. Син. 601 с. 57), н зрѡ **къ западомъ** (А. Соф. 535. Л. 20 об.); н зрѡ **къ западѡ** (Е. Зограф. 1 г. 12. С. 14) — καὶ βλέπων **πρὸς δυσμὰς**; ерѣн же створѣ малъ поклонѣ **къ дыакѡ** (Р. Син. 601. С. 73), сѣнннкъ же сѣтворѣ **къ дѣаквноу** поклоненне (А. Соф. 535. Л. 42), сѣнннкъ же сѣтворѣ **къ дѣаквноу** поклоненне (Зограф. 1 г. 12. С. 25) — ὁ δε ἱερεὺς ποιήσας **πρὸς τὸν διάκονον** μετάνοιας (Красносельцев. С. 72). В русской редакции Иерусалимского Устава используется более традиционная беспредложная конструкция: стварѡѣѣтъ поклоненне **прюестотн** (Син. 329. Л. 12 об.), творнтъ поклоненне **нсерью** (Син. 329. Л. 13), сѣтворѡѣѣѣта обырѣноѣ поклоненне **нгумену** (Син. 329. Л. 14).

Существуют различия в значении и употреблении предлогов въ и на в славянских редакциях Диатаксиса. Модели с предлогом на указывают на направленность действия на поверхность предмета или на действие, происходящее на поверхности предмета. Конструкции с предлогом въ, как правило, обозначают действие, направленное внутрь или производимое внутри объекта. Четкое различие между этими предлогами характерно для древнерусского языка, в то время как в среднеболгарских памятниках эти предлоги употребляются синонимично³². Эта тенденция к синонимии предлогов проявляется в южнославянских редакциях Диатаксиса: н положнѣѣ его възнакъ **на сѣтемъ блюдѣ** (Р. Син. 601. С. 43), н положнтъ его възнакъ **въ сѣтемъ блюдѣ** (А. Соф. 535. Л. 5 об.), н полагаѣѣ его възнакъ **въ сѣтемъ дѣскоу** (Е. Зограф. 1 г. 12. С. 4) — καὶ θεῖς αὐτὸν ὑπτίον **ἐν τῷ ἁγίῳ δίσκῳ**; поставлѡѣѣѣтъ ѣ **на сѣтомъ блюдѣ** крѣтавразно (Р. Син. 601. С. 71), поставлѡѣѣѣтъ нхъ **въ сѣтемъ блюдѣ** крѣтовразно (А. Соф. 535. Л. 41 об.), поставлѡѣѣѣтъ тымъ **въ сѣтемъ дѣскоу** крѣтавразно (Е. Зограф. 1 г. 12. С. 24) — τίθησι αὐτὰς **ἐν τῷ ἁγίῳ δίσκῳ** σταυροειδῶς.

³² Минчева А. К синтаксической характеристике среднеболгарских евангельских списков // Язык и письменность среднеболгарского периода. М., 1982. С. 199.

Различия между славянскими редакциями Диатаксиса касаются перевода греческого предлога ἐπάνω, обозначающего действие, происходящее над предметом. В русской редакции ему соответствует предлог *врѣху*, в Афонской и Евфимиевской — *надъ*: *сѣнникъ покаднѣ звѣздѣ*. *полагаеть врѣху стѣ хлѣба* (Р. Син. 601. С. 47), *ѿерен покаднѣ звѣздѣ*. *и полагаеть ю ѿ стѣмъ хлѣбомъ* (А. Соф. 535. Л. 9), *ѿерен же покаднѣ звѣздѣ* *полагѣ ѿ надъ стѣннмъ агнѣцемъ* (Е. Зограф. 1 г. 12. С. 6) — ὁ ἱερεὺς θυμιάσας τὸν ἀστερίσκον τίθησι αὐτὸν ἐπάνω τοῦ ἁγίου ἄρτου; *ерѣн же горнюю часть прнемъ творнтъ с нею крѣтъ врѣху стѣго потнрѣ* (Р. Син. 601. С. 71), *нерен вземъ вышележащуюю часть*. *творн с нею крѣтъ на стѣгоу уашею* (А. Соф. 535. Л. 41 об.), *ѿценннкъ горнѣмъ часть въземъ*, *творнтъ съ неѣ крѣтъ надъ стѣгоу уашеѣ* (Е. Зограф. 1 г. 12. С. 24) — ὁ ἱερεὺς λαβὼν τὸν ἄνω κείμενον μερίδα ποιεῖ μετὶ αὐτῆς σταυρὸν ἐπάνω τοῦ ἁγίου ποτηρίου. Предлог *врѣху* в соответствии с греческим ἐπάνω является традиционным средством выражения данного значения в старославянских рукописях: *врѣху* *горы стѣмъ* (Мат. V, 14. Супр. 240, 2), *походнѣ* *также по соуху врѣху* *морѣ* (Супр. 473, 18), *вельтъ врѣху* *нбѣсъ* *многость твоѣ* (Синайская псалтырь. Пс. 143b 16)³³. Таким образом, в южнославянских текстах наблюдается экспансия конструкции с предлогом *надъ* в данный период. Русская редакция Диатаксиса сохраняет традиционный предлог *врѣху*.

Для обозначения действия перед предметом греческий оригинал Диатаксиса использует два предлога, и их перевод в славянских редакциях различен. Греческий предлог ἔμπροσθεν имеет один славянский эквивалент — *прѣдъ*: *прнходнтъ нерен с дѣякономъ прѣ стѣю трапезоу* (Р. Син. 601. С. 51), *прнходнтѣ нерен же н дѣяконъ прѣдъ стѣю трапезоу* (А. Соф. 535. Л. 15), *прнходнтъ ѿерен же н дѣакѣ прѣ стѣмъ трапезѣ* (Е. Зограф. 1 г. 12. С. 10) — ἔρχονται ὅτε ἱερεὺς καὶ ὁ διάκονος ἔμπροσθεν τῆς ἁγίας τραπέζης; *нерен же стѣмъ за стѣю трапезоу* *аще есть мѣсто*. *аще ли же не боудеть мѣста*. *тѣсноты рѣ олтарнѣна н онъ прѣ стѣю трапезоу* (Р. Син. 601. С. 57), *аще ли не нмать*, *станѣ прѣ стѣю трапезоу* (А. Соф. 535. Л. 20 об.), *ѿерен же стѣмъ сѣздан стѣмъ трапезы* *аще нмѣ мѣстѣ* *аще ли не нмать*, *станѣ прѣ стѣмъ трапезѣ* (Е. Зограф. 1 г. 12. С. 13–14) — ὁ δε ἱερεὺς ἰστάμενος ὀπίσθεν τῆς ἁγίας τραπέζης, εἴπερ ἔχει τόπον, εἰ δε μὴ ἔμπροσθεν. Греческий предлог κατενάντιον Афонской и русской редакциями переводится предлогом *прѣмо*, Евфимиевской редакцией — тем же предлогом *прѣдъ*: *н ставъ на обыиномъ мѣстѣ*. *прѣмо стѣи дверн* (Р. Син. 601. С. 51), *н ставъ на обыиномъ мѣстѣ*. *прѣмо стѣмъ дверем* (А. Соф. 535. Л. 11 об.), *н станѣ на своѣ мѣстѣ обыинѣ прѣ стѣимн дверн* (Е. Зограф. 1 г. 12. С. 8) — καὶ στὰς ἐν τῷ συνήθει τόπῳ κατενάντιον τῶν ἁγίων θυρῶν; *сеμου же глѣмоу ѿ ерѣна*. *дѣакѣ поклоннѣмъ прѣмо стѣго ватарѣ* *ѿходн ѿ мѣста оного* (Р. Син. 601. С. 51), *семоу же глѣмоу ѿ ерѣна*. *дѣакѣ створнѣ поклоненне прѣмо стѣмоу жертвеннкоу*. *прѣстоупаетъ ѿ мѣста своего* (А. Соф. 535. Л. 13–13 об.), *семоу же глѣмоу ѿ ѿерѣна*, *дѣакѣ створнѣ поклоненнѣ прѣ стѣимн жрѣвннкѣ*, *оустѣпаетъ ѿ своего мѣста* (Е. Зограф. 1 г. 12. С. 9) — τούτου δε λεγομένου παρὰ τοῦ ἱερέως, ὁ διάκονος ποιήσας προσκύνημα κατενάντιον τοῦ ἁγίου θυσιαστηρίου, μεθίσταται ἐκ τοῦ τόπου αὐτοῦ. Модели с предлогом *прѣмо* содержат в себе дополнительный семантический признак по сравнению с предлогом *прѣдъ* — «напротив». Дифференцированное использование конструкций с предлогами *прѣдъ* и *прѣмо* в соответствии с их значениями характерно для старославянских памятников³⁴. Дифференциация предлогов по значению обнаруживается в текстах Афонской и русской редакций Диатаксиса, редакция Евфимия использует один предлог для всех значений. Характерно, что только предлог *прѣдъ* для обоих греческих предлогов (ἔμπροσθεν и κατενάντιον) выступает и в русской редакции Иерусалимского Устава, отличая его от русского Диатаксиса: *мерен ставъ прѣдъ стѣмн дверн* (Син. 329. Л. 13 об.) — ὁ ἱερεὺς ἰστάμενος ἔμπροσθεν τῶν ἁγίων θυρῶν; *стварѣаетъ прѣмо поклоненна прѣ стѣмн дверн* (Син. 329. Л. 13) — ποιεῖ μετανοίας, γ, ἔμπροσθεν τῶν ἁγίων θυρῶν; *станѣ прѣ стѣю трапезоу*

³³ Ходова К. И. Падежи с предлогами в старославянском языке. М., 1971. С. 78.

³⁴ Ходова К. И. Система падежей старославянского языка. М., 1963. С. 59–60.

(Син. 329. Л. 13) — ἵσταται **κατενάντιον**...; стваряѣта поклоненне коупно **предъ** стѣмн дверѣмн (Син. 329. Л. 13 об.) — ποιήσας μετανοίαν **κατενάντιον** τῶν ἁγίων θυρῶν.

Наконец, при обозначении субъекта пассивных конструкций (греч. παρὰ + Gen.) все три славянские редакции Диатаксиса используют модель с предлогом **ѡ**, калькируя греческую и таким образом отказываясь от традиционной беспредложной модели: сему же глѣму **ѡ ерѣна** (Р), сему же глѣму **ѡ нереѣна** (А), сему же глѣму **ѡ іереѣна** (Е) — τούτου δε λεγομένου **παρὰ τοῦ ἱερέως**. Примечательно, что такая же конструкция используется в русской редакции Иерусалимского Устава при переводе греческих моделей с предлогами παρὰ и ὑπὸ: бываѣтъ **ѡ** дыякона снѣпѣтн велнѣна (Син. 329. Л. 14) — γίνεται συνάπτη μεγάλη **ὑπὸ** τοῦ διακόνου; глѣтъса **ѡ** попа октеѣна малѣна (Син. 329. Л. 19); по реченнн же стнха **ѡ** канонаρχа (Син. 329. Л. 13 об.).

Таким образом, различия в переводе греческих синтаксических конструкций, представленные в рассматриваемых текстах, касаются прежде всего степени буквализма. Редакция Диатаксиса патриарха Евфимия отличается установкой на последовательное формальное воспроизведение особенностей подлинника. Такой же принцип наблюдается в Афонской редакции, однако в этом тексте калькированные модели, последовательно использованные в одних случаях (перевод греческого артикля с помощью **ѣ**, калькирование греческого оборота с ὅσπερ, предложно-падежная конструкция для διὰ + Gen. и др.), противопоставлены традиционным славянским средствам в других (беспредложный творительный падеж для μετὰ + Gen.). В тексте русской редакции Диатаксиса также проявляется тенденция к ориентации на язык оригинала, однако выдержана она с меньшей последовательностью, зачастую одни и те же греческие конструкции находят различные средства выражения (грецизированные и традиционные общеславянские) в пределах одного текста. Сравнение грамматической нормы русского Диатаксиса и русского Иерусалимского Устава показало, что в Иерусалимском Уставе представлена локальная, более архаичная норма, в то время как в норме Диатаксиса сосуществуют признаки как архаичной традиции, так и «новые» тенденции.

Изучение и сравнение языковых данных славянских редакций Диатаксиса и Иерусалимского Устава позволяет сделать некоторые более определенные выводы о происхождении русской редакции Диатаксиса и ее месте в славянской книжной традиции. Отсутствие в ней южнославянских средств, характерных для Афонской и Евфимиевской редакций, а также наличие некоторых «русских» явлений позволяет утверждать, что она была составлена на Руси. Отличие ее нормы от нормы ранней русской редакции Иерусалимского Устава, приписываемой митрополиту Алексию, не позволяет связать ее с тем же создателем. Более того, представляется вероятным, что текст русской редакции Диатаксиса был составлен позже указанной редакции Иерусалимского Устава. Создание русского Диатаксиса скорее всего относится к самому началу второго южнославянского влияния на Руси, когда в восточнославянской письменности появляется и распространяется корпус новых текстов, однако когда южнославянское влияние на язык текстов еще не набрало свою силу. Появлению русской редакции Диатаксиса, очевидно, предшествовала Афонская редакция, так как начало литургических и книжных реформ связано именно с Афоном. На это же указывает наличие некоторых совпадающих чтений в русской и Афонской редакциях. Таким образом, представляется возможным относить создание русской редакции Диатаксиса к концу XIV в., ко времени более позднему, чем деятельность митрополита Алексия.

СОКРАЩЕНИЯ

Картотека ДРС — Картотека Словаря русского языка XI—XVII вв.

СлРЯ — Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975—2004. Вып. 1—26.

СлДРЯ — Словарь древнерусского языка XI—XIV вв. в 10 томах. М., 1988—2004. Т. I—VI.

Супр. — Супрасльская рукопись, сер. XI в.

